

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г 60

William Goldman
THE PRINCESS BRIDE
S. Morgenstern's Classic Tale of True Love
and High Adventure
The "Good Parts" Version
Abridged by William Goldman
Copyright © 1973, 1998, 2003 by William Goldman
All rights reserved

Перевод с английского Анастасии Грызуновой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-07315-9

© А. Грызунова, перевод, 2016
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

Когда Лютик родилась, первой красавицей мира слыла парижская судомойка Аннетта. Служила Аннетта у герцогской четы де Гиш, и от внимания герцога не ускользнуло, какое чудо природы моет его оловянные кружки. А внимание герцога не ускользнуло от внимания герцогини — та не слыла ни красавицей, ни богачкой, зато ума ей было не занимать. Герцогиня установила слежку и вскоре обнаружила у соперницы трагическую слабость.

Шоколад.

Вооруженная этим знанием, герцогиня засучила рукава. Дворец де Гишей превратился в пряничный домик. Куда ни плюнь — конфеты. Горы мятного шоколада в гостиных, корзины шоколадной нуги в будуарах.

Аннетта была обречена. За полгода фея обернулась слонихой, и при каждой встрече скорбное недоумение туманило герцогу взор. (Аннетта, заметим, пухла и веселела. В конце концов вышла за кондитера, и они вдвоем объедались до глубокой старости. Вдобавок заметим, что судьба герцогини сложилась не так весело. Герцог непостижимо увлекся собственной тещей, и у герцогини случилась язва, хотя тогда еще не было язв. Нет, язвы были и с людьми случались, но не назывались «язвы». Медицина звала их «колики» и прописывала от болей кофе с коньяком утром и вечером. Герцогиня много лет добросовестно пила лекарство и наблюдала, как мать и супруг тайком шлют друг другу воздушные поцелуи. Неуди-

вительно, что сварливость герцогини вошла в легенды — об этом блестяще писал еще Вольтер. Правда, это было до Вольтера.)

Когда Лютику исполнилось десять, первой красавицей мира слыла дочь богатого чайного торговца из Бенгалии. Звали ее Алутра, и такого совершенного смуглого личика Индия не видала целых восемьдесят лет. (С тех пор как ведется учет, в Индии отмечено всего одиннадцать совершенных лиц.) Когда Алутре минуло девятнадцать, в Бенгалии разразилась эпидемия оспы. Девушка уцелела, чего не скажешь о ее лице.

Когда Лютику исполнилось пятнадцать, первой красавицей, безусловно, слыла Адела Террелл из Сассекса на Темзе. Аделе минуло двадцать лет, и была она так несравненно прекрасна, что, пожалуй, осталась бы первой красоткой на многие годы. Но как-то раз один поклонник (у нее было 104 кавалера) воскликнул, что на свете никогда не рождалось никого прекраснее Аделы. Польщенная Адела задумалась. Вечером в спальне она внимательно осмотрела себя перед зеркалом — каждый волосок, каждую пору. (Зеркала тогда уже были.) Осмотр длился почти всю ночь, и к рассвету Адела уверилась, что молодой человек абсолютно прав: она безукоризненна, в чем ни капли не виновата.

Чрезвычайно счастливая Адела встречала зарю в родительском саду среди розовых кустов.

— Я не просто совершенство, — рассуждала она, — я, пожалуй, первый совершенный человек за всю историю вселенной. Все во мне идеально и лучше быть не может. Ах, как мне повезло — я прекрасна, желанна, богата, нежна, молода и...

Молода?

Адела задумалась; вокруг сгущался туман. Конечно, я останусь нежной, решила она, и еще богатой, но как навеки остаться молодой? Непонятно. А что за совершенство, если молодость прошла? А если нет

совершенства — что мне остается? Ну правда — что? Отчаянно размышляя, Адела наморщила лоб. Прежде ей морщить лоб не доводилось, и Адела в ужасе ахнула. Что она натворила! Какой ужас! А вдруг лоб повредился? А вдруг навсегда? Она ринулась к зеркалу и провела перед ним все утро. Уверилась, что совершенство все еще при ней, но счастья поубавилось.

Ее грызли опасения.

Недели через две появились тревожные складочки; через месяц залегли первые бороздки; не прошло и года, лицо исполосовали морщины. Вскоре Адела вышла за того самого человека, кто упрекнул ее в совершенстве, и трепала ему нервы еще много лет.

В свои пятнадцать Лютик ни о чем таком не знала. А если б узнала, решила бы, что это какой-то бред. Допустим, ты первая красавица — и что с того? А если третья? А если шестая? (Лютик подобных высот еще не достигла — она едва входила в двадцатку первых красавиц, да и то по обещанию, и уж точно не потому, что следила за собой. Она терпеть не могла умываться, презирала чистоту за ушами, ненавидела причесываться и расчески по возможности избегала.) Правилось ей — больше всего на свете она обожала — скакать на коне и дразнить Мальчонку.

Коня звали Конь (у Лютика были нелады с фантазией), и он приходил, когда она окликала, скакал, куда она правила, и делал все, что она велела. Мальчонка тоже делал все, что она велела. Вообще-то, он уже был не Мальчонка, а взрослый батрак. Мальчонкой он был, когда осиротел и пришел батрачить на Лютикова отца, но Лютик называла его так по сей день.

— Мальчонка, принеси то. Принеси это, Мальчонка, да пошустрей, лодырь, бегом, а то папе скажу.

— Как пожелаешь.

Он всегда так отвечал. «Как пожелаешь». Принеси то, Мальчонка. «Как пожелаешь». Вытри это,

ПРИНЦЕССА-НЕВЕСТА

Мальчонка. «Как пожелаешь». Жил он в хижине у коровника и, если верить Лютиковой матери, держал свое жилище в чистоте. Даже книжки читал, когда были свечи.

— Оставляю парнишке акр по завещанию, — говаривал отец Лютика. (У них тогда мерили акрами.)

— Избалует парня, — неизменно отвечала мать.

— Столько лет трудился. За хорошую работу и наградить не жаль.

Затем, чтоб не ссориться дальше (ссоры тогда тоже были), оба напускались на дочь.

— Опять не помылась, — говорил отец.

— Да мылась я, — отвечала Лютик.

— А воды налить забыла, — не отступал отец. — Воняешь, как конь.

— Я на Коне скакала целый день, — оправдывалась Лютик.

— Надо мыться, — вступала мать. — Мальчики не любят, когда от девушки несет конюшней.

— Опять мальчики! — взрывалась Лютик. — «Мальчики» меня не волнуют. Конь меня любит, и мне хватает. Благодарю покорно.

Так она выступала очень громко и довольно часто.

Но хочешь не хочешь, а время идет.

Незадолго до шестнадцатого дня рождения Лютик заметила, что вот уже больше месяца деревенские девчонки с ней не разговаривают. Мало что изменилось, она с ними не очень-то и дружила, но прежде, когда она скакала по деревне или по проселку, ей хотя бы кивали. А теперь что-то не кивают. Только поспешно отворачиваются. Однажды утром возле кузни Лютик приперла к стенке Корнелию и спросила, что стряслось.

— Совести у тебя нет, — сказала Корнелия. — Как будто сама не понимаешь, что сделала.

— Что я сделала?

— Что сделала? *Что ты сделала?*.. Ты их украла.

И с этими словами Корнелия бросилась прочь. Но до Лютика дошло, кто такие «они».

Мальчики.

Деревенские мальчишки.

Бестолковые, туполобые, безмозглые, недоумочные, малахольные, придурковатые *мальчишки* с приветом, но без царя в голове.

Она что, виновата? Зачем они вообще *сдались*? Какой от них прок? Только и делают, что надоедают, докучают и бесят.

— Можно я твоего коня почищу, Лютик?

— Спасибо, его Мальчонка чистит.

— Можно с тобой покататься, Лютик?

— Спасибо, но я люблю кататься одна.

— Много о себе воображаешь, Лютик?

— Да нет, вовсе нет. Я просто люблю кататься одна.

А на шестнадцатом году ее жизни даже это прекратилось — остались заиканье, багровые щеки, в лучшем случае — беседы о погоде.

— Лютик, как думаешь — соберется нынче дождь?

— Да вряд ли, небо-то ясное.

— А вдруг захмурет?

— Может, наверно, и захмуреть.

— Много о себе воображаешь, Лютик?

— Да нет, я просто думаю, что дождя не будет.

Чуть не каждую ночь они толпились у нее под окном и насмехались. Лютик пропускала насмешки мимо ушей. Насмешки перерастали в оскорбления. Она и бровью не вела. Если оскорбления выходили за рамки, вмешивался Мальчонка — без единого слова появлялся из хижины, двоих-троих колотил, обращал в бегство всю ватагу. Лютик непременно говорила ему спасибо.

— Как пожелаешь, — только и отвечал он.

Незадолго до ее семнадцатого дня рождения в деревню прикатила карета, и пассажир поглядел, как

Лютик скачет за продуктами. Когда поскакала обратно, он все еще глядел. Она выкинула его из головы — да и то сказать, сам по себе он был никто. Но с него все началось. Поглядеть на Лютика захотели и другие мужчины — кое-кто, как тот первый, аж двадцать миль ради этого одолевал. Тут ведь что важно — тот человек был первый богач, первый дворянин, который не поленился приехать. Имя его ныне затерялось в веках, но он-то и рассказал о Лютике графу.

Страна Флорин располагалась между нынешними Швецией и Германией. (Дело было еще до Европы.) По закону правил там король Лутарон и его вторая жена, то есть королева. По сути же король дышал на ладан, отнюдь не всегда отличал день от ночи и с утра до вечера бубнил себе под нос. Он был очень стар, ему давно отказывали жизненно важные органы, и ключевые государственные решения он принимал как бог на душу положит, что сильно беспокоило многих почтенных граждан.

На деле всем заправлял принц Хампердинк. Появись уже Европа, он был бы самым могущественным европейцем. Но и так на тысячу миль окрест не находилось желающих ему перечить.

Принц Хампердинк доверял только графу. Фамилия у графа была Рюген, но по фамилии его никто не звал. Других графов в стране не водилось, а этому принц пожаловал титул несколько лет назад на день рождения — разумеется, на приеме у графини.

Графиня была гораздо моложе супруга. Наряды ей доставляли из Парижа (Париж тогда уже был), и вкусом она обладала безупречным. (Вкус тоже был, но возник как раз намедни. А поскольку был он очень свежим новшеством и во Флорине им обладала одна графиня, неудивительно, что она стала самой модной в стране хозяйкой.) Из любви к тряпкам и косметике она в итоге навсегда переехала в Париж

и открыла там единственный светский салон международного значения.

Но пока она просто спала себе на шелках, ела на золоте и была самой грозной и восхитительной женщиной в истории Флорина. Если у ее фигуры и были недостатки, их скрывала одежда; если ее лицо и недотягивало до божественного, после макияжа это становилось незаметно. (Шика тогда не было, но, если б не графиня и ей подобные дамы, его и изобретать бы не пришлось.)

В общем, Рюгены числились флоринской Лучшей Четой Недели уже который год...

* * *

Это я. Комментарии к сокращениям и другие заметки будут написаны таким вот симпатичным курсивом — не запутаетесь. Я в начале говорил, что не читал эту книгу, — и не соврал. Мне ее читал отец, а сам я, когда сокращал, пролистал быстренько, повычеркивал куски, а оставшееся сохранил как у Моргенштерна.

Эту главу я не трогал. А сейчас встречаю из-за скобок. Литред из «Харкорта» все поля в верстке написала вопросами: «Как это так — Европы не было, а Париж был?»; «Как это — не было шика? „Шик“ — древнее понятие. Посмотрите в Оксфордском словаре, статья „шикарный“». И наконец: «Я сейчас свихнусь. Зачем тут скобки? Когда дело-то происходит? Я ничего не понимаю. ПОМОГИ-И-И-И-ИТЕ!» Дениз вычитывала все мои книжки, с самых «Мальчиков и девочек, всех вместе», и еще не орала на полях.

А я-то что тут мог?

Моргенштерн в скобках либо всерьез, либо нет. А может, то всерьез, то нет. Но он не пометил, где всерьез. Возможно, авторский стиль говорит читателю: «Тут все понарошку, ничего такого не было». По-моему, дело в этом, хотя флоринские хроники

ПРИНЦЕССА-НЕВЕСТА

скажут вам обратное. Они скажут, что это взаимная история. По крайней мере, факты — взаимные; что у персонажей в голове — поди разберись. Если скобки вас раздражают — ну не читайте их, и всего делов.

* * *

— Скорей, скорей, идите сюда! — Отец Лютика смотрел в окно.

— Что такое? — Это мать Лютика. Слушаться мужа? Вот еще глупости. Ее девиз: ни шагу назад.

Отец ткнул пальцем:

— Гляди.

— Сам гляди. Чай, не слепой.

Их брак счастливым не назовешь. Оба только и мечтали сбежать друг от друга куда подальше.

Отец пожал плечами и опять уставился в окно.

— Аххххх, — через некоторое время сказал он. И потом опять: — Аххххх.

Мать Лютика покосилась на него и вернулась к стряпне.

— Какие богачи, — сказал отец. — Какая роскошь.

Мать поразмыслила и отложила суповой половник. (Суп тогда уже был, но суп вообще был первым. Когда первый человек выполз из тины и построил первый сухопутный дом, на первый ужин у него был суп.)

— Сердце заходится от такого великоления, — очень громко пробормотал Лютиков отец.

— Да что ж там такое, миленький? — сдалась мать.

— Сама глянь. Чай, не слепая, — отвечивал он.

(То была их тридцать третья перебранка за день — перебранки появились давным-давно, — и отец отставал со счетом 13:20, хотя сильно сократил дистанцию с обеда, когда счет был 17:2 не в его пользу.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ. НЕВЕСТА

— Осел, — сказала мать и подошла к окну. Спустя мгновение она уже вторила мужу: — Ахххх.

Два человечка замерли в восхищении.

Лютик накрывала к ужину и посматривала на них.

— Наверное, к принцу Хампердинку скачут, — заметила мать.

— На охоту, — согласился отец. — Принц вечно охотится.

— Повезло нам, что они мимо проезжают, — сказала мать и взяла старика-мужа за руку.

— Теперь можно и помирать, — кивнул тот.

Она глянула на него и сказала:

— Не надо.

Нежно так сказала, даже удивительно, — должно быть, почувствовала, как он ей дорог на самом деле: он ведь спустя два года и вправду помер, а она вскорости отправилась следом, и близкие решили, что ее доконала внезапная нехватка сопротивления.

Лютик подошла ближе, глянула через их головы и тоже заахала, потому что по проселку мимо фермы проезжали граф с графиней, все их пажи, и солдаты, и слуги, и придворные, и рыцари, и кареты.

Семейство стояло и молча любовалось процессией.

Лютиков отец, мелюзга беспородная, всю жизнь мечтал жить графом. Как-то раз на две мили приблизился к охотничьим угодьям графа с принцем и до сей поры считал тот день лучшим в жизни. Он был негодный фермер и так себе супруг. Никакое дело у него не спорилось, и он так и не понял, как умудрился родить такую дочь. В глубине души догадывался, что это какая-то чудесная ошибка, и в природу ее вдаваться не желал.

Лютикова мать, колючая и нервная, походила на заскоружлую креветку и всю жизнь мечтала, чтоб ее хоть один денек носили на руках, как графиню. Стряпала она бездарно, домоводство ей не давалось.

И она, конечно, не понимала, как это из ее утробы вылезла этакая дочь. Впрочем, событие это мать наблюдала воочию — ну и не о чем тут рассуждать.

А Лютик — выше родителей на полголовы, в руках тарелки, пахнет Конем — жалела только, что великолепная процессия далеко: ей охота была рассмотреть, вправду ли у графини такие изысканные наряды.

Словно услышав ее призыв, кавалькада свернула к дому.

— К нам? — выдал отец. — Боженька всемогущий, это еще зачем?

— Ты что, забыл налоги уплатить? — напустилась на него мать. (Налоги уже были. Правда, налоги были всегда. Они старше супа.)

— Все равно — зачем *столько*? — И отец указал на двор: граф с графиней, и все их пажи, и солдаты, и слуги, и придворные, и воины, и кареты неотвратимо надвигались. — Чего им от меня надо?

— Поди, поди узнай, — велела мать.

— Лучше ты. Пожалуйста, а?

— Нет. Ты. Пожалуйста, а?

— Вместе пойдем.

И они пошли. Дрожа как осиновый лист...

— Коровы, — промолвил граф, когда они приблизились. — Обсудим ваших коров. — Он говорил из глубин золотой кареты, и темное лицо его темнело в тени.

— Моих коров? — переспросил Лютиков отец.

— Да. Видите ли, я подумываю открыть молочную ферму. Всей стране известно, что у вас лучшие во Флорине коровы, и я хотел спросить, не поделитесь ли вы своим секретом.

— Мои коровы, — пролепетал Лютиков отец.

Может, он, боженька упаси, рехнулся? Он прекрасно знал, что коровы у него никудышные. Деревенские жаловались уже который год. Найдись в округе другой молочник, Лютиков отец в два счета

бы прогорел. Правда, с тех пор, как на него батрачит Мальчонка, дела идут на лад — батрак с коровами искусен, жалобы сошли на нет, — но от этого коровы не стали лучшими во Флорине. Впрочем, с графом не спорят. Лютиков отец повернулся к жене:

— Как думаешь, в чем мой секрет, лапушка?

— Да у тебя полно секретов, — сказала ему жена.

Она тоже была не дурочка и все понимала про мужнину домашнюю скотину.

— Бездетны? — спросил граф.

— Нет, господин, — отвечала мать.

— Ну так покажите мне ее, — сказал граф. — Может, она соображает пошустрее родителей.

— Лютик, — позвал отец. — Выйди, пожалуйста.

— Откуда вы знаете, что у нас дочь? — удивилась мать.

— Угадал. Либо дочь, либо наоборот. Иногда мне везет больше, а иногда... — И тут он осекся.

Потому что из дома выбежала Лютик.

Граф вылез из кареты. Грациозно ступил на землю и замер. Он был рослый мужчина, черноволосый, черноглазый, плечистый и носил черный плащ и перчатки.

— Реверанс, деточка, — прошептала мать.

Лютик постаралась как могла.

А граф не мог глаз от нее отвести.

Вы поймите, она едва входила в двадцатку первых красавиц. Волосы нечистые и нечесанные; годков всего семнадцать, так что кое-где пока не подтянулась и не округлилась. Еще дитя. Многообещающая, не более того.

И все равно граф не мог отвести глаз.

— Графа интересует секрет величия наших коров, не так ли, господин? — сказал Лютиков отец.

Граф кивнул, не сводя взгляда с Лютика.

Даже ее мать почувствовала, что воздух слегка искрит.

— Спросите Мальчонку. Батрака. Он же за ними ухаживает, — сказала Лютик.

— *А это кто у нас? Мальчонка?* — раздался голос из кареты. И в рамке окошка появилось лицо графини.

Губы у нее были выкрашены в замечательный красный цвет, зеленые глаза подведены черным. Пред платьем ее тускнели все оттенки на земле. От такого блеска Лютику хотелось зажмуриться.

Отец обернулся на одинокую фигуру, выглянувшую из-за дома:

— Он и есть.

— Приведите его.

— Он неподобающе одет, — сказала мать Лютика.

— Я и прежде видала голые торсы, — отвечала графиня. Затем позвала: — *Ты!* — и ткнула пальцем в Мальчонку. — Ну-ка, *сюда*. — На слове «сюда» она щелкнула пальцами.

Мальчонка повиновался.

И когда он приблизился, графиня вышла из кареты.

Мальчонка остановился поодаль, за спиной у Лютика, почтительно склонив голову. Ему было стыдно за свой наряд — потертые сапоги и драные джинсы (джинсы изобрели гораздо раньше, чем принято думать), — и он сложил руки как бы даже в мольбе.

— Имя у тебя есть, Мальчонка?

— Уэтли, графиня.

— Ну-с, Уэтли, вероятно, ты нам поможешь. — Она подошла. Ее рукав коснулся его кожи. — Мы все тут страстно увлечены проблемой коров. Любопытство наше до того разыгралось, что мы уже на грани безумия. Как думаешь, Уэтли, отчего коровы на этой ферме — лучшие во всем Флорине? Что ты с ними делаешь?

— Да просто кормлю, графиня.

— Итак, мы нашли разгадку; вот, значит, в чем секрет. Можно успокоиться. Очевидно, все волшебство — в питании. Покажешь мне, как их кормишь, Уэстли?

— Покормить вам коров, графиня?

— Смотри-ка, догадливый.

— Когда?

— Сию минуту будет в самый раз. — И она выставила локоть. — Веди меня, Уэстли.

Деваться было некуда — Уэстли взял ее под руку. Осторожно.

— Это за домом, мадам, а там ужасно грязно. Платье испачкаете.

— Я надеваю платья только раз, Уэстли, и мне так хочется увидеть тебя в деле, что я вся горю.

И они направились в коровник.

Граф по-прежнему наблюдал за Лютиком.

— Я помогу! — крикнула та вслед Мальчонке.

— Пожалуй, надо поглядеть, что такое он делает, — решил граф.

— Чудные дела творятся, — отметили родители и пошли, замыкая процессию коровьих кормильцев. Они наблюдали за графом, который наблюдал за их дочерью, которая наблюдала за графиней.

А та наблюдала за Уэстли.

— По-моему, он ничего такого не делал, — сказал Лютиков отец. — Покормил, и все.

Ужин прошел, и гости уже отбыли.

— Наверное, он им нравится. У меня был кот, так он здоровел, только если его кормила я. Может, и тут то же самое. — Лютикова мать вылила в миску остатки супа. — Вот, — сказала она дочери. — Отнеси Уэстли поесть. Он у задней двери ждет.

Лютик взяла миску, открыла дверь.

— Возьми, — сказала она.

Уэстли кивнул, взял миску, зашагал было к пню, на котором ел.

— Я тебя не отпускала, Мальчонка, — сказала Лютик; он остановился, обернулся. — Мне не нравится, как ты смотришь за Конем. Точнее, как ты за ним *не* смотришь. Вычисти его. Сейчас же. И отполируй копыта. Сегодня. Заплети ему хвост и разотри уши. Нынче вечером. И чтобы в конюшне ни пылинки. Сию минуту. И чтобы Конь блестел, а если придется работать до утра, значит будешь работать до утра.

— Как пожелаешь.

Она хлопнула дверью. Пускай в темноте ужинает.

— По-моему, Конь прекрасно выглядит, — заметил отец.

Лютик смолчала.

— Ты же сама вчера говорила, — напомнила ей мать.

— Я, наверное, переутомилась, — выдавила Лютик. — Переволновалась.

— Тогда иди отдыхай, — посоветовала мать. — Как переутомишься, ужасные вещи случаются. В тот вечер, когда твой отец сделал мне предложение, я как раз переутомилась.

34:22, разрыв увеличивается.

Лютик ушла в спальню. Легла. Закрывает глаза.

Графиня смотрела на Уэсли.

Лютик вскочила. Разделась. Слегка умылась. Натянула ночную рубашку. Залезла под одеяло, пригрелась, закрыла глаза.

Графиня по-прежнему смотрела на Уэсли!

Лютик откинула одеяло, открыла дверь. Сходила к умывальнику у печи, налила воды. Выпила. Налила еще, прижала ко лбу холодную кружку, покачала. Все равно лихорадило.

Это почему ее вдруг лихорадит? Она здорова. Семнадцать лет — и даже ни одного дупла в зубе. Она решительно выплеснула воду в раковину, прошагала в спальню, плотно закрыла дверь, снова легла. Закрывает глаза.

А графиня все пялилась на Уэсли!

Чего это она? С чего это женщину, которой не бывало во Флорине совершеннее, так интересуется Мальчонка? Лютик заворочалась в постели. Другого объяснения нет — графиня заинтересовалась *еще как*. Лютик зажмурилась, старательно припомнила. Графиню что-то заинтересовало в Мальчонке. Против фактов не попрешь. Но *что?* У Мальчонки глаза как море перед штормом, но кого волнуют глаза? И у него светло-русые волосы — кое-кому нравится. И он довольно широк в плечах, но немногим шире графа. И Мальчонка, естественно, мускулист, но станешь тут мускулистым, если работать с утра до ночи. У него прекрасная загорелая кожа, но и это от работы — он же на солнце день-деньской, как тут не загореть? И он немногим выше графа, — правда, живот поплотнее, но это потому, что Мальчонка и помоложе графа будет.

Лютик села на постели. Наверное, все дело в зубах. У Мальчонки хорошие зубы — что есть, то есть. Белые, ровные, на загорелом лице смотрятся замечательно.

Может, еще что-нибудь? Лютик сосредоточилась. Когда Мальчонка развозил молоко, деревенские девушки ходили за ним по пятам, но они идиотки, за кем угодно увяжутся. А он на них даже не глядел — ну ясное дело, стоит ему раскрыть рот, как они поймут, что у него за душой и нет ничегошеньки, только красивые зубы. Он все-таки ужасный дурак.

Очень странно: графиня такая красивая, такая изящная, такая гибкая и элегантная женщина, столь совершенное создание, одетое столь роскошно, — и так увлеклась зубами. Лютик дернула плечом. Люди ужас какие сложные. Но она во всем разобралась, все вычислила, нашла разгадку. Она закрыла глаза, пристроилась в тепле и уюте и... *из-за каких-то зу-*

бов никто ни на кого не смотрит так, как графиня смотрела на Мальчонку.

— Ой, мамочки, — сказала Лютик. — Ой-ёй-ёй.

Теперь уже Мальчонка смотрел на графиню. Кормил коров, и под загорелой кожей, как всегда, ходило мускулы, а Лютик стояла и смотрела, как Мальчонка впервые взглянул графине в глаза, в самую глубину.

Лютик выскочила из постели и забегала по спальне. Да как он мог? Ладно бы он просто взглянул на нее, но он ведь не взглянул на нее, *он на нее глядел.*

— Она же старуха, — пробормотала Лютик уже в некотором смятении.

Графиня разменяла четвертый десяток — это без вопросов. И ее платье смотрелось в коровнике как на корове седло — это тоже без вопросов.

Лютик рухнула на постель и обняла подушку. Платье смотрелось как на корове седло даже и до коровника. Графиня была как курица расфуфыренная, едва вышла из кареты, — этот огромный накрашенный рот, и накрашенные свинячьи глазки, и напудренная кожа, и... и... и...

Лютик билась и металась, порыдала, повертелась, побегала, еще порыдала, и три великих приступа ревности случилось на свете с тех пор, как Давид Галилейский не смог вынести, что кактус соседа его Саула затмевает его собственный кактус. (Изначально ревность и зависть касались только растений — чужих кактусов или там гинкго, а потом и травы, когда появилась трава, отчего по сей день мы говорим, что человек от зависти и ревности зеленеет.) Лютиков приступ вплотную приблизился к тройке величайших приступов всех времен.

То была очень долгая и насквозь зеленая ночь.

Еще до зари Лютик прибежала к его хижине. Через дверь услышала, что он уже проснулся. Постучала. Он появился, замер в дверях. У него за спиной